

Шишкино: новый взгляд

(Мельникова Л. В., Николаев В. С., Демьянович Н. И.

Шишкинская писаница. Иркутск: Институт земной коры СО РАН.

Т. 1, 2011. 426 с.; Т. 2, 2012. 288 с.)

Авторы двухтомника Лариса Владимировна Мельникова и Вадим Станиславович Николаев — археологи, кандидаты исторических наук; Нина Ивановна Демьянович (1937–2012) — специалист по инженерной геологии, кандидат геолого-минералогических наук. **Первый том** посвящен истории и методике изучения шишкинских петроглифов, а также их подробному описанию.

Введение (с. 5–9). Через 20 лет после первых исследований и публикаций Шишкинской писаницы А. П. Окладниковым возникла идея комплексного исследования памятника и повторного полного копирования. Во введении перечислены все участники 25-летних работ и показан их вклад в общее дело. Кроме того, введение содержит краткую информацию об общем виде и положении памятника с картой и цветными фото.

Глава I. История изучения наскальных изображений в районе деревни Шишкино (с. 11–24). Впервые писаницу осмотрел Г. Ф. Миллер в 1737 г., но он не вдохновился изображениями, которые смог распознать, и выдающийся памятник первобытного искусства был забыт. Почти через 200 лет, в 1929 г. его вновь открыл А. П. Окладников, когда он вместе с М. Я. Черемных проводил раскопки неолитического могильника на окраине дер. Шишкино. Тогда же он снял несколько копий. Его первая книга о Шишкинской писанице вышла в свет в 1959 г. после нескольких статей.

Особое внимание Окладникова привлекли изображения двух лошадей (большой и малой) и быка. Некоторые признаки изображения большой лошади создавали впечатление глубокой архаичности. В частности, такие особенности, как размер, грузный корпус, непропорционально малая голова напоминали стиль палеолитических фигур пещерной живописи. Не располагая какими-либо объективными методами датировки изображений и полагаясь на интуицию, Окладников датировал эти фигуры эпохой палеолита. Он также создал хронологическую схему шишкинских изображений. Авторитет Алексея Павловича был очень велик, и в публикациях других авторов эти рисунки тоже считались палеолитическими.

Петроглифы Шишкинской писаницы стали для Окладникова стимулом к изучению памятников первобытного искусства по всей Сибири, Дальнему Востоку и Центральной Азии. Он выделил семь хронологических групп от палеолита до Средневековья. Они легли в основу периодизации петроглифов Сибири, которая позднее дополнялась, но в целом оставалась практически неизменной на протяжении 40 лет.

Полного копирования Шишкинской писаницы не производилось до того, как за эту работу не взялись авторы рецензируемого труда. Причем начало этой работы вовсе не было связано с ревизией результатов исследований

Окладникова. В 80-х гг. начался масштабный проект Минкультуры по паспортизации археологических памятников. Петроглифы были включены в план работ Лаборатории археологии и этнографии Иркутского университета. Была проведена проверка состояния Шишкинской писаницы, оценена степень природного и антропогенного воздействия на плоскости с древними изображениями. О том, что памятник подвергается разрушительному антропогенному влиянию, Окладников писал еще в 1959 г. С тех пор ситуация только ухудшилась. В 1983 г. уже не удалось обнаружить многие опубликованные ранее изображения, и было принято решение о подготовке памятника к повторному копированию с целью выявления утрат.

Работы велись под эгидой Центра по сохранению историко-культурного наследия при Иркутском облисполкоме. К 90-м гг. была сформирована концепция комплексного изучения памятника, включая создание полного каталога выявленных петроглифов. К исследованиям были привлечены представители разных дисциплин. Изучалась геоморфология и физика скального массива. Получен ряд абсолютных дат погребенной почвы по ^{14}C . Проводились консервационные, реставрационные и фотоработы с разной аппаратурой и материалами. Началось полное копирование. Писаницу разбили на участки по нумерации Окладникова.

Глава II. Методики исследования петроглифов (с. 19–50). Вопросы, рассмотренные в данной главе, имеют очень важное значение. От них зависит качество исходных данных, т. е. фактов, на которых могут строиться все виды интерпретации: хронология, семантика и т. п.

Авторы рассматривают различные техники нанесения наскальных изображений, которые требуют соответствующих методов копирования. Пожалуй, впервые подробно рассмотрено, кто и как «подправлял» древние изображения мелом и даже краской. Реабилитирован кинооператор О. Г. Максимов, который в силу возраста не мог быть причастным к подкрашиванию петроглифов, хотя сама эта проблема остается актуальной и сейчас. Вспомнив трудные времена, когда в нашем распоряжении не было ничего, кроме кальки и растительного масла, авторы остановились на методе В. Ф. Капелько — эстампировании на микалентную бумагу. Этот метод требует достаточно высокого мастерства, иначе на скале надолго остаются пятна типографской краски и другие следы подобной самодеятельности. Сейчас в России не больше десятка человек, которые вполне владеют методом Капелько. По существу, это модернизация метода А. В. Адрианова, но более точная и долговечная.

В 1964 г. я разбирал в МАЭ РАН эстампажи писаниц, сделанные Адриановым в первые годы XX в. на Енисее. Уже тогда они были очень ветхими и иногда рассыпались от прикосновения. Большинство из них были пересняты по моему заказу на пленку «Микрат» (негативы хранятся в музее Кемеровского университета). Сейчас все больше специалистов по первобытному искусству обращаются к бесконтактному копированию. На трубчатую рамку с присосками натягивается прозрачный полиэтилен, и все изображение воспроизводится специальными маркерами вплоть до каждой точки. Метод точный, но очень медленный.

За два с лишним десятилетия работы на Шишкинской писанице авторы перепробовали практически все способы фотофиксации, повышая вместе

с техническим прогрессом качество результатов съемки. Экспериментируя, они нашли оптимальные режимы цифровой съемки. Сейчас цифровую фото-съемку можно дополнять последующим «поднятием» контраста программными средствами «Фоташопа» (см., напр., Солодейников 2005, 2009; Solodeynikov 2005; Миклашевич 2012).

В книге говорится о банке данных по петроглифам (с. 40–42). «Банк данных», «база данных» — понятия, модные в нашей науке, часто трактуются упрощенно. Банк данных — это совокупность баз данных. А база данных — компьютерная система, в которой эти данные хранятся. Мы часто путаем банк/базу данных с файловыми архивами. База данных должна быть четко структурирована и состоять из подсистем описания, хранения, поиска и выдачи информации о запрашиваемых данных. Файловый архив это тоже удобное средство, в котором предусмотрен простой автоматизированный поиск. Но это еще не банк данных.

Реставраторы из ГосНИИР работали 5 лет и сделали много полезного: закрепили отслоения, заделали трещины, сняли надписи, сделанные масляной краской (они появляются снова). Подобные реставрационные работы тогда проводились впервые не только в СССР, но и в мире. Методики и реставрационные материалы разрабатывались «на ходу».

Глава III. Проблемы музеефикации Шишкинской писаницы (с. 51–62).

Подробно описано бюрократическое противостояние попыткам создания музея-заповедника «Шишкинская писаница». Знакомая картина с чиновничьими отписками, потерями документации и наплевательским отношением к национальному историко-художественному наследию вызывает тоску. Действия местных энтузиастов и областной власти, начатые в 1948 г. и длившиеся более 60 лет (!), наткнулись на глухую стену. Тем временем вырубался лес, мелела Верхняя Лена, по которой раньше ходили суда, проезжие автомобилисты с еще большей активностью пишут масляной краской по петроглифам «здесь был Вася», а от вибрации, вызванной тяжелыми грузовиками, ускоренными темпами расшатывается и рушится скальный массив.

Глава IV. Описание Шишкинской писаницы и петроглифов (с. 63–222).

Эта глава является основной частью всей работы. Здесь представлен первичный материал, который фактически является главным источником научной информации, особенно для тех, кто обращается к Шишкинской писанице с сравнительно-историческими целями. Время идет, памятник разрушается, и со временем книга станет единственным документом.

Весь памятник разделили на 7 участков по особенностям их геоморфологии. Не вызывает сомнений экспликация понятий для описания деталей скального массива: скала, блок, ярус и т. д., за исключением «композиции», для которой нужно предварительно доказать, что составляющие ее изображения одновременны и связаны логическими связями. Это не всегда очевидно.

Далее около 150 страниц занимают словесные описания изображений с качественными цветными и черно-белыми фотографиями, и еще 187 страниц, на которых 188 таблиц с изображениями. Для такого текста очень важны заранее выработанные стандарты описания. В свете общепринятых правил к ним не возникает претензий, особенно в связи с тем, что сама система стандартов еще не устоялась. Например, существует мнение, что тексты должны

содержать только те данные, которые неочевидны из копии: степень загара, особенности техники нанесения и т. п. Заканчивается IV глава сводными таблицами, позволяющими легко сравнивать по нумерации материалы данной книги с опубликованными А. П. Окладниковым и его соавторами.

Краткое «Заключение» содержит грустные, даже пессимистические слова, за которые невозможно упрекать авторов. Печальная 60-летняя эпопея безрезультатной борьбы трех поколений за создание музея-заповедника не способствует оптимизму. И это относится не только к Шишкину. Я мог бы добавить свежий пример: для площадки под очередную высокопоставленную виллу на Горном Алтае бульдозерами были снесены древние курганы. Редактор местной газеты, который возмущенно предал это варварство гласности, стал фигурантом уголовного дела.

Второй том посвящен двум разным аспектам изучения Шишкинской писаницы: геоморфологическому и историческому (сюжеты, хронология и семантика изображений).

Введение (с. 5–6). Отдав должное исследованиям своего предшественника А. П. Окладникова, авторы отмечают ограниченность возможностей, которыми он располагал. При этом они подчеркивают, что благодаря энтузиазму, профессиональной интуиции и знанию древней мифологии А. П. Окладников «зложил основы работы с петроглифами для последующих исследователей» (с. 5).

Сами авторы скромно считают свои работы продолжением исследований Окладникова. Отчасти это так, но все же на качественно новом уровне и с большой пользой, которую приносит уместное применение методов естественных и технических наук. Результаты работы профессионалов, прежде всего, Н. И. Демьянович, расширили объем научной информации о скальном массиве. Это способствовало более глубокому пониманию последовательности создания изображений, а также помогло реставраторам подбирать материалы для своей работы.

Глава I. Природные условия формирования плоскостей с петроглифами Шишкинской писаницы (с. 7–72). Глава содержит обзор геолого-геоморфологических работ XIX в., обобщенных В. А. Обручевым. Затем описана геоморфологическая структура скальных массивов среднего кембрия, установленная современными специальными инженерно-геологическими изысканиями в связи с предполагавшейся музеефикацией.

Подробно и профессионально показано влияние климатических изменений на рельефообразующие процессы, включая скальные массивы и окружающую их рыхлую почву берегов верхнего течения Лены. Приводятся максимальные, минимальные и средние значения температуры, влажности и солнечной радиации, необычно интенсивной в данной местности. Это главные природные факторы, воздействующие на процессы выветривания, в том числе и на образование пустынного загара на плоскостях с петроглифами. Определенное влияние на формирование скальных массивов оказывает и гидрологический режим. Здесь тоже приводится много количественных показателей.

Очень подробно, может быть, даже излишне подробно (почти 60 с.), излагаются результаты геоморфологического исследования рельефа местности. Приведено большое количество цифровых данных с подробной стратиграфией

по результатам бурения. Показаны характеристики склонообразующих процессов, факторы, влияющие на эрозию поверхностей с рисунками. Бурение скважин № 5 и № 6 позволило представить палеореконструкцию формирования склона, последовательность погребенных почв и получить образцы для их датировки по ^{14}C . В книге представлена цифровая модель рельефа скального массива (с. 55). Судя по датам погребенных почв из скважины №6 (нижняя 6900 ± 300 л. н.), морфология склона резко изменилась в результате мощного тектонического толчка. Именно тогда открылась верхняя большая ровная плоскость. Плоскости с изображениями лошадей и быка открылись позже нее, т. е. не раньше, чем 7 тыс. л. н. Следовательно, если и были более ранние, в том числе и палеолитические изображения, то вряд ли они могли сохраниться после землетрясения.

Геоморфологический раздел наполнен высококачественными цветными фото, схемами стратиграфии скважин и наглядными цифровыми моделями рельефа разных участков скального массива. Глава завершается описанием механизмов формирования разновозрастных плоскостей и факторов их разрушения. Здесь приводятся остальные радиоуглеродные даты. Подчеркнем еще раз, что они не датируют сами изображения, но дают важную косвенную информацию.

Глава II. Основные сюжеты и датировка петроглифов Шишкинской пещеры (с. 73–162). В этой главе рассмотрены главные с историко-археологической точки зрения вопросы. Прежде всего, авторы обращаются к периодизации изображений, созданной А. П. Окладниковым. Подробно пересказана аргументация, на основе которой три изображения (две лошади и бык) были признаны им палеолитическими. Затем следовали изображения эпох неолита и раннего металла и наиболее многочисленные — раннесредневековые. Замыкают периодизацию объединенные в одну группу изображения позднего Средневековья и нового времени (по европейскому исчислению, т. е. X–XVIII вв.).

После этого рассматриваются плоскости с теми же рисунками с точки зрения геоморфологической структуры скального массива, о чем уже шла речь в предыдущей главе. Плоскость с большой лошадей оказалась разновозрастной. Одна из ее частей отвалилась еще в древности, отчего она оказалась светлее другой части, которая темнее (от «загара»). К тому же следы от других изображений, как оказалось, были перекрыты изображением лошади. Изображение быка находится на участке, на котором зафиксированы старые разрушения породы (см. выше), а под быком видна часть изображения более раннего лося. Сопоставив данные по Шишкину с петроглифами долин Ангары, Куды, Уды, Енисея, Томи и берегов Байкала, авторы приходят к весьма категоричному заключению: из сходных геоморфологических условий «следует, что на всей территории Сибири и Центральной Азии на открытых скальных обнажениях сохранение рисунков эпохи палеолита невозможно» (с. 83). Я бы не спешил с таким глобальным выводом. По крайней мере, предположение о возможной принадлежности к верхнему палеолиту редких архаичных петроглифов Алтая и Енисея с признаками стиля той эпохи сохраняется, но ни доказать, ни опровергнуть его пока невозможно.

Датировки петроглифов эпохи неолита и ранней бронзы наряду с геоморфологическими данными опираются на материалы раскопок близлежащих могил.

Время обнажения плоскости с изображениями — 7000 л. н. По ^{14}C материалы из могил датируются той же эпохой: 6300 ± 50 л. н. (ГИН — 4553); 7340 ± 120 л. н. (ГИН — 6288); 6730 ± 80 л. н. (ГИН — 6816) и 6520 ± 50 л. н. (ГИН — 6755). Строго говоря, эти даты тоже косвенные, но намного более убедительные, чем чисто интуитивные. В целом они не противоречат хронологии А. П. Окладникова, но добавляют к ней абсолютные датировки. Получается следующая схема: китайская культура (ранний неолит) — 7000–6000 л. н.; исаково-серовская культура (поздний неолит) — 5200–4500 л. н.; глазковская культура (ранняя бронза) — 4500–3500 л. н. Эти выводы не противоречат датировкам петроглифов минусинской и ангарской традиций на Алтае и Енисее.

Хронологические определения петроглифов бронзового века тоже в целом вписываются в схему, которая с некоторыми допущениями представлена в работах не только А. П. Окладникова, но и авторов следующего за ним поколения (с. 89–106). Однако главное отличие новых датировок Шишкинской писаницы состоит в том, что не только для палеолита, но и для последующих эпох они опираются на геоморфологию различных участков скального массива, согласно которой определены верхняя и нижняя границы возраста петроглифов.

Авторы стремятся дополнить обоснование своих датировок аналогиями из других регионов (с. 98–103). В этом подходе, в целом вполне правомочном, есть одно важное ограничение. Не следует ссылаться на изображения общечеловеческого характера (эротические сцены и роды, зубастая пасть хищника), на универсальные метафоры и мифологемы, такие как люди с поднятыми руками и, особенно, «солнцеголовые». Помимо Казахстана, Сибири, Переднего Востока они известны в петроглифах Южной Америки и Африки, т. е. в местах, где контакты с другими материками в эпоху бронзы были невозможны.

Петроглифов раннего железного века (с. 107–110) в долине Лены мало, единицы, и было бы удивительно, если бы это было не так. Надежда на то, что со временем «они будут дополнены новыми» (с. 161), невелика. Здешняя экологическая ниша неблагоприятна для культуры ранних кочевников, которым нужны большие пространства для выпаса овец и лошадей. Мы привыкли отождествлять с ранними кочевниками так называемый скифо-сибирский стиль, и аналогии из Тувы и с Енисея, которые приводятся в данном разделе, именно в этом стиле. С этой точки зрения, на Шишкинской писанице всего два несомненных таких изображения (рис. 71, А, 1–2) и еще два сомнительных, могущих быть современными подделками (рис. 72). Я бы не решился датировать временем ранних кочевников изображения, представленные на рис. 69 и 70 А.

Самую многочисленную группу образуют петроглифы раннего, развитого и позднего Средневековья (с. 111–160). Относительной этой группы и раньше не возникало сомнений, подобных тем, которые были связаны с датировками эпохи палеолита. Тем не менее, Л. В. Мельникова и В. С. Николаев и здесь смогли внести свой вклад в уточнение хронологии. При раскопках городища Манхай была получена дата по ^{14}C — 1130 ± 25 л.н. (ЛЕ — 9609), и в том же слое были найдены песчаниковые плитки с изображениями типа шишкинских. Учитывая другие радиоуглеродные даты и связав данную группу петроглифов с курумчинской культурой, авторы определили временной интервал этой группы изображений VIII–IX вв. Датировки отдельных рисунков из этой группы у меня вызывают сомнения. Авторы ссылаются на мою давнюю идею об

изобразительных «инвариантах». Речь идет об изображении пары лошадей на 1-м геоморфологическом участке (Т. 1, табл. 17, 3–4; Т. 2, рис. 126). Если бы эти петроглифы встретились мне на Енисее, то они были бы отнесены к таштыкскому стилю, т. е. лет на 300–400 раньше.

Глава III. Шишкинская писаница: семантика древних образов и объекта в целом (с. 163–264). В этой главе авторы проявили большую научную смелость. Тема более чем сложная, требующая не только широкой эрудиции, которой авторы вполне располагают, но и определенных «ограничителей», не позволяющих выйти за пределы реальных аналогий и ассоциаций при толковании смысла изображений. Этих ограничителей иногда не хватало А. П. Окладникову, крупному знатоку этнографии и фольклора народов Сибири. А. А. Формозов в одной из своих книг (Формозов 1969) достаточно честно и объективно отказался от специальной главы по семантическому анализу, хотя тоже не устоял от соблазна сравнений с египетскими «солнечными» ладьями.

Подробно рассмотрев семантические интерпретации А. П. Окладникова отдельно по каждой эпохе, авторы дали его наблюдениям в целом высокую оценку (с. 173), практически не подвергая их никакой критике. Затем они обращаются к объяснению символических предметов, найденных при раскопках могил эпохи неолита и ранней бронзы в непосредственной близости от писаницы (с. 40, 174–206), и самих петроглифов (с. 207–251). То, что раскопки проводились не авторами, а их предшественниками, является осложняющим обстоятельством. Материалы раскопок собраны по изданиям 50-х — 70-х гг. Их документация оставляет желать лучшего. Вообще при использовании не первичных материалов в них неизбежно попадают элементы интерпретации тех, кто вел раскопки.

При раскопках, кроме символических предметов (изделий из клыков животных, нефритовых дисков с отверстием в центре и бус), найдено несколько объемных и плоских изображений людей и зверей, сделанных из бивня и кости мамонта и из рога. Одно из них — неразделенная парная фигурка типа сиамских близнецов, по-видимому, пряжка. Есть роговой стержень с головой нерпы, фигурки медведей, рыб и головы лосей.

С этими изделиями мелкой пластики и символическими предметами из могил соотносятся различные мифологемы: «возрождение», «плодовитость», «начало», «цикличность жизни», а также бинарные оппозиции «свет — тьма» «жизнь — смерть» и т. п. Не очень понятна внутренняя логика и обоснованность подобных сопоставлений. Всякая интерпретация содержит элементы интуитивных представлений, т. е. недоказуемых. Я не считаю их произвольными, но всегда считал необходимым рассматривать разные версии и выбирать из них наименее противоречивую, или учитывать амбивалентность архетипов, свойственную любому изобразительному искусству и мифологии. Например, пару неразделенных человеческих фигурок можно трактовать и как стилизованную пряжку, и как некий символ близнечного мифа, имеющего несколько смыслов, включая и плодородие.

Авторы отмечают, что, согласно геоморфологическим данным, в IV–I тыс. до н. э., т. е. в эпоху неолита — бронзового века, «Шишкинская писаница имела протяженность около 1,5 км и иную морфологию склона» (с. 207). Конечно, это оговорка. Не писаница, а скальный массив имел протяженность около

1,5 км, а насколько он тогда был заполнен рисунками, неизвестно. Тем более, что большая часть рисунков появилась позже. Но польза геоморфологических данных в том, что они позволяют предположить масштаб разрушений массива за эти тысячи лет. К настоящему времени древние плоскости, относящиеся к той эпохе, сохранились только в трех местах. Когда-то ступенчатый, характер скального массива изменился, и поэтому некоторые плоскости с изображениями в силу выветривания нижних ступеней теперь труднодоступны.

В 2009 г. благодаря любезному приглашению иркутских коллег (Г. И. Медведева и Е. Л. Липниной) мне удалось побывать на Шишкинской писанице. Разглядывая скальный массив, я вспоминал наши работы на берегах Енисея, где тоже, чтобы добраться до некоторых петроглифов, приходилось строить лестницы и пользоваться альпинистской страховкой. Создавать на этих плоскостях рисунки древним людям было просто невозможно (Оглахты, Усть-Туба и др.). Геоморфологически прибрежные скальные массивы Енисея, сложенные девонским песчаником, находятся в очень похожей ситуации. Осадочная порода, блочная структура участков, горизонтальная слоистость и трещиноватость — все это под постоянным напором выветривания постепенно разрушается, причем нижние блоки, образующие подобия ступеней, разрушаются раньше, а верхние как бы висят над крутым, вертикальным, а в одном случае (Усть-Кулог) даже отрицательным склоном.

В разделах о семантике использован удачный прием визуализации, который позволяет проследить рассуждения авторов о расположении петроглифов. Это достигается проекцией в верхней части цветного фото участка с петроглифами силуэтов рассматриваемых изображений. Обращаясь к объяснению смысла сохранившихся петроглифов, авторы исходят из концепции бинарных оппозиций в том виде, как они ее понимают. На этой теме придется задержаться немного подробнее.

Любая интерпретация древних изображений — дело во многом субъективное и плохо поддающееся верификации. Каждый автор исходит из своих соображений, знаний и общих представлений о роли доказательства в гуманитарной науке. Обычно мы занимаемся поиском обоснований своим интуитивным догадкам. Но чаще всего суждение строится по принципу «я так считаю».

Осознавая зыбкость таких построений, специалисты по первобытному искусству искали какие-то прочные основания для своих рассуждений. Примерно полвека тому назад А. Ламинь-Эмперер, изучая расположение изображений в пещере Ляско, обнаружила ритмичные, по ее мнению, чередования разных образов (Laming-Emperaire 1962). В них можно было усмотреть некий скрытый смысл. Эта идея получила продолжение в трудах А. Леруа-Гурана, который дополнил ее наблюдениями над расположением рисунков в пещерах не только относительно друг друга, но и в связи с микро топографией пещеры, например, в углублениях рельефа стен или на выступающих плоскостях и т. д. В большинстве образов и знаков палеолитической живописи Леруа-Гуран видел символическое противопоставление мужского и женского начала, т. е. один из первых абстрактных классификаторов, освоенных мышлением человека — логическую оппозицию.

Эти наблюдения и выводы показали Ламинь-Эмперер и Леруа-Гурану достаточным основанием к тому, чтобы отказаться от поиска аналогий в этнографически зафиксированных ритуалах коренного населения Африки, Австралии

и Южной Америки и искать методы дешифровки изобразительного текста, исходя из него самого. Леруа-Гуран считал, что большинство наших представлений о первобытном человеке неверны. Они наделяют его массой магических, мистических, анимистических и иных иррациональных идей в такой мере, что очень трудно себе представить элементарную выживаемость в тех условиях жизни при столь неадекватном ее отражении в сознании. «Если мы хотим, чтобы первобытный человек заговорил, не нужно заставлять его говорить на искусственном жаргоне, составленном из слов австралийских, эскимосских и банту, произносимых на европейский лад. Если дать ему выразиться по-своему, он станет гораздо менее болтливым, но зато более понятным и — не нужно удивляться — более разумным» (Leroi-Gourhan 1983: 76).

Такой подход подкупал своей научной строгостью. Правда, его нельзя считать совсем уж новаторским. Еще более 120 лет тому назад выдающийся знаток южноафриканских языков В. Блик предложил воспринимать бушменское искусство, исходя только из него самого, изнутри, а не притягивая к нему внешние атрибуты и западное понимание. Спустя некоторое время стало ясно, что отвергнуть этнографический компаративизм намного проще, чем предложить что-либо взамен. Если вообще не привлекать для интерпретации древних памятников искусства этнографические параллели, строгая интерпретация не идет дальше тривиальных суждений номинативного характера («бизон», «носорог», «ряженный человек» и т. д.). Мало того, даже гипотеза Леруа-Гурана об образно-знаковых оппозициях типа «мужское-женское», строго говоря, не выводится непосредственно из дистрибутивного анализа образов пещерной живописи и привнесена извне не в меньшей мере, чем любое сравнительно-этнографическое объяснение.

Этот подход легко оспаривается, конечно, не вполне строгой, может быть, метафоричной, но важной параллелью с теоремой К. Гёделя о неполноте формальных систем. Ее словесная (не математическая) суть состоит в том, что непротиворечивость формальной системы (а любая осмысленная совокупность символов — это формальная система) не может быть выведена из нее самой. Иными словами, применительно к первобытному искусству, без обращения к внешним по отношению к изучаемым изображениям данным дать полноценное объяснение этих изображений невозможно. Таким образом, с одной стороны, авторы рецензируемой работы поступили вполне правильно: они привлекли в качестве основы для интерпретации смысла петроглифов эпох неолита и бронзы символические предметы, найденные при раскопках, и теорию бинарных оппозиций. Но с другой — все же остается неясным, насколько обоснованы их объяснения и выводы. Это не упрек авторам, а отражение реальной ситуации с истолкованием древних изображений дописьменных эпох. Вместе с тем, не следует считать, что достоверное или, точнее, правдоподобное прочтение их смысла по каким-то определенным правилам вообще невозможно. Во всяком случае, некоторые теоретические обоснования для таких правил можно найти (Шер 2006: 189–222).

Абсолютно достоверная интерпретация древних изображений практически невозможна, если они не сопровождаются надписями и иными дополнительными данными. При изучении изображений, относящихся к дописьменным культурам, речь может идти лишь о стремлении к максимально правдоподобному

и непротиворечивому объяснению. К петроглифам более поздних эпох это относится в меньшей мере. А. П. Окладников активно использовал фольклор и этнографию сибирских аборигенов (правда, якутов нельзя считать аборигенами), и авторы двухтомника не спорят с ним.

Серьезным препятствием к такому исследованию почти всегда будет подход к композициям, т. е. к многофигурным панно, как к единому изобразительному «тексту», поскольку часто бывает невозможно доказать, что несколько фигур на одной плоскости сделаны одновременно и между ними есть логические связи.

Известный знаток археологии и этнографии Западной Сибири В. Н. Чернецов писал: «Если трудно бывает расшифровать письменность на неизвестном языке, то еще труднее проникнуть в содержание и смысл наскальных изображений, в которых роль индивидуального творчества и случайности несоизмеримо выше, чем в самой примитивной письменности» (Чернецов 1964: 5). Дополнительно можно отметить, что проблема смысловой реконструкции в применении к изобразительным памятникам — это еще и проблема перевода с языка зрительных образов на естественный язык. Даже когда нам заведомо известно, что хотел сказать художник (например, при пересказе смысла современной сюжетной картины), при таком переводе происходят невосполнимые потери в силу разной природы образного и словесного языков. Еще более весомыми будут эти потери при попытках раскрыть смысл изображений, сделанных тысячи лет тому назад.

В итоге можно сказать, что смысловое прочтение древних изображений представляет собой нечто среднее между строго научной дешифровкой и догадкой. При этом на разных этапах исследования значение того или иного подхода меняется.

Заключение (с. 265–266). Так же, как нашим зарубежным коллегам часто не хватает знания русскоязычной литературы, в наших работах, хотя и в меньшей мере, но тоже можно наблюдать недостаточное знание зарубежных публикаций. Действительно, А. П. Окладников был первым, кто был уверен в том, что он открыл палеолитические петроглифы на открытом воздухе. Некоторые коллеги, не соглашаясь с его датировкой, ссылались на общераспространенный в то время довод — палеолитическое искусство сохранилось только в пещерах. Однако в последнее десятилетие XX в. этот довод пошатнулся в связи с открытием палеолитических петроглифов на открытом воздухе в Испании, Португалии и Франции (Ripoll Lopes 1999; Sacchi 2010; Zilhao 1998, 2002 и др.). Причем некоторые из них, в частности, в долине р. Коа (Португалия) датированы достаточно точно (Zilhao 2002).

В целом рассмотренный двухтомник представляет собой значительный вклад в изучение не только Шишкинской писаницы, но и петроглифов всей Сибири. На основании обстоятельных геоморфологических исследований и новых ¹⁴C дат поставлена точка в спорах о палеолитических изображениях Шишкина. Уточнены изображения эпохи неолита, хотя место для споров еще остается. К бронзовому веку отнесен целый ряд многофигурных композиций. Из общего количества средневековых петроглифов выделена раннесредневековая группа. И возможно, что в ней «спрятана» еще более ранняя (условно, таштыкская) группа первых веков н. э.

Завершая рецензию, можно уверенно поздравить авторов с большим успехом. Те замечания, которые были высказаны, никак не снижают общую оценку

научного уровня их работы. Работы трудной и не вполне благодарной, но коллеги и потомки оценят ее сполна.

Литература

- Миклашевич Е. А.* 2012. Техника гравировки в наскальном искусстве скифского времени // Изобразительные и технологические традиции в искусстве Северной и Центральной Азии. Труды САИПИ IX. М.; Кемерово: Кузбассвуиздат, 157–202.
- Рогожинский А. Е., Солодейников А. К.* 2012. О новых находках и методах документирования древнетюркских граффити на юге Казахстана // Сборник материалов научно-практического семинара «Историко-культурное наследие и современная культура». Алматы: Service Press, 123–126.
- Солодейников А. К.* 2005. К вопросу о методах и методологии изучения наскальной живописи // Вестник Гуманитарного факультета СПбГУТ 2, 94–107.
- Солодейников А. К.* 2009. Об интерпретации и фиксации наскальных изображений // Природное и культурное наследие Южного Урала как инновационный ресурс. Материалы Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 125–142.
- Солодейников А. К.* 2011. Каталогизация наскальной живописи Каповой пещеры // Наскальное искусство в современном обществе. Материалы международной научной конференции. Кемерово, 168–174.
- Формозов А. А.* 1969. Очерки по первобытному искусству. М.: Наука.
- Чернецов В. Н.* 1964. Наскальные изображения Урала. Ч.1. М.: Наука.
- Шер Я. А.* 2006. Первобытное искусство. Кемерово: Кузбассвуиздат.
- Laming-Emperaire A.* 1962. La signification de l'art rupestre paléolithique. Paris : Picard.
- Leroi-Gourhan A.* 1983. Les religions de la préhistoire: paléolithique. 4 éd. Paris: Presses universitaires de France.
- Ripoll Lopes S.* 1999. Chronostylistic elements for the dating of open-air rock art assemblage of Domingo García (Segovia, Spain) // Stecker M., Bahn P. (eds.). Dating and the Earliest Known Rock Art. Oxford: Oxbow Books, 83–95.
- Sacchi D.* 2010. Des gravures animalières paléolithiques à l'air libre dans les Pyrénées méditerranéennes: le rocher de Fornols (Campôme, Pyrénées-Orientales), Bulletin des amis du Muséum national d'histoire naturelle 246, 21–25.
- Solodeynikov A.* 2005. Research on the Recordings of rock paintings in the Kapova cave (Ural). // INORA 43, 10–14.
- Zilhao J.* 1998 (1997). The age of the Côa valley (Portugal) rock-art: validation of archaeological dating to the Paleolithic and refutation of “scientific” dating to historic or proto-historic times // Arte Rupestre e Pré-Historria do Vale do Côa. Trabalhos de 1995–1996. Lisboa: Ministerio de la Cultura, 417–435.
- Zilhao J.* 2002. La mise en valeur de l'art rupestre de la vallée du Côa, Portugal // L'Art paléolithique à l'air libre. Carcasson: Gaer & Géopré, 18–22.